

Журди Наталья Владимировна

**ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАММАТИКИ
НАРРАТИВА: К ВОПРОСУ О СВОБОДНО-КОСВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Свободно-косвенный дискурс (СКД) как нетрадиционная повествовательная форма представляет собой один из фундаментальных концептов лингвистического анализа текста. В статье систематизируются и анализируются основные трактовки СКД, возникшие в рамках нарратологических и лингвистических исследований. В работе предлагается также наша собственная интерпретация термина СКД. Мы рассматриваем СКД как повествовательную форму, которая характеризуется как грамматическими, так и нарратологическими параметрами и является наиболее адекватной для передачи внутренних переживаний персонажа. Таким образом, мы считаем выражение субъективности основной функцией СКД. Теоретические тезисы подтверждаются анализом примеров СКД в художественных текстах XIX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 81-86. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ROZHE MARTEN DU GAR. WAY TO PHENOMENAL REALISM**Efremova L. M.**

*Department of Russian Language and Literature
Russian State Social University
lipsyatina@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to Rozhe marten du Gar, a French writer of the XX century, a Nobel winner whose evolution develops from the first works close to the realism of the XIX century to his best novel "The Tibos" connected with the specificity of the so-called Phenomenal realism of the XX century. During the catastrophe of the First World War the life-story of a "lost generation" hero develops, the opportunities of a person during tragical ordeals are comprehended in the context of genre structure expansion from the traditional family novel to the philosophical-historical work.

Key words and phrases: Rozhe marten du Gar; the realism of the XIX century; the Phenomenal realism of the XX century; "lost generation" hero; genre structure; family novel; philosophical-historical work.

**ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАММАТИКИ
НАРРАТИВА: К ВОПРОСУ О СВОБОДНО-КОСВЕННОМ ДИСКУРСЕ****Журди Н. В.**

*Кафедра немецкого языка
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
natascha.jourdy@laposte.net*

Аннотация. Свободно-косвенный дискурс (СКД) как нетрадиционная повествовательная форма представляет собой один из фундаментальных концептов лингвистического анализа текста. В статье систематизируются и анализируются основные трактовки СКД, возникшие в рамках нарратологических и лингвистических исследований. В работе предлагается также наша собственная интерпретация термина СКД. Мы рассматриваем СКД как повествовательную форму, которая характеризуется как грамматическими, так и нарратологическими параметрами и является наиболее адекватной для передачи внутренних переживаний персонажа. Таким образом, мы считаем выражение субъективности основной функцией СКД. Теоретические тезисы подтверждаются анализом примеров СКД в художественных текстах XIX в.

Ключевые слова и фразы: свободно-косвенный дискурс (СКД); лингвистический анализ текста; нарратологические исследования; внутренние переживания персонажа; выражение субъективности; художественные тексты XIX в.

Вступление

Предметом настоящей статьи является свободно-косвенный дискурс (СКД). Специфика этого концепта заключается в том, что он относится как к лингвистике (грамматике, синтаксису), так и к литературоведению (стилистике, нарратологии). Многочисленные исследования в этой области носят подчас полемический характер, и до сих пор не существует единого, общепризнанного определения СКД. Проблемными представляются, по крайней мере, следующие вопросы. Какой критерий является решающим для диагностики СКД: грамматический или нарратологический? Следует ли разработать комплексный подход, учитывающий как грамматические, так и нарратологические аспекты?

Мы попытаемся ответить на эти вопросы в нашей статье. Мы проследим эволюцию концепта СКД с момента появления этого термина в научном дискурсе. В статье будет также предложена наша собственная трактовка СКД. Мы выделим и проанализируем фундаментальные характеристики СКД и попытаемся разработать определение СКД, наиболее адекватное для идентификации и анализа этой повествовательной формы в художественных текстах¹.

1. Становление понятия СКД: конец XIX в.-начало XX в.

В 1887 г. немецкий лингвист Гоблер отмечает, что существует особая форма косвенной речи (КР), своего рода гибрид между прямой речью (ПР) и косвенной речью². Ее сходство с ПР заключается, с точки зрения

¹ СКД долгое время рассматривался как чисто литературное образование. Некоторые современные исследователи (Fludernik 1993, Hodel 2001, Maingueneau 1991) отмечают, что СКД существует также в устных текстах. Мы не исключаем эту возможность, но в контексте нашего исследования мы ориентируемся исключительно на письменные (художественные) тексты и рассматриваем СКД как одну из повествовательных форм (ПФ).

² Ср. «eigentümliche Mischung direkter und indirekter Rede» [цит. по: Hodel, 2001, p. 19].

Тоблера, в порядке слов, а с КР - в употреблении глагольных форм (времени и лица). Это наблюдение считается первым упоминанием СКД, несмотря на то, что этот термин не используется Тоблером.

Плодотворным периодом в развитии понятия СКД являются 1912-1914 годы, отмеченные полемикой между швейцарским лингвистом Балли и его немецкими коллегами (Калепки, Лерх). Подход Балли можно охарактеризовать как синтаксическо-стилистический. Балли вводит термин «*style indirect libre*» (свободно-косвенный стиль) - термин, использующийся во французском языке для обозначения СКД по сей день¹. Подобно Тоблеру, Балли определяет СКД, исходя из его сходств и различий с ПР и КР и рассматривает СКД как особую разновидность КР, которая характеризуется, в частности, отсутствием союза *que* (что). Балли указывает на недостаточность синтаксического подхода самого по себе (анализа в рамках предложения) и на необходимость учитывать контекст (абзац или несколько абзацев).

Калепки использует термин «*verschleierte Rede*» (завуалированная речь). Этот термин выбран не случайно: по мнению Калепки, в СКД автор выражает свое собственное мнение голосом персонажа. Балли подтверждает эту точку зрения критике. Лерх, в свою очередь, предлагает формулировку «*eine Rede oder ein Gedanke als Tatsache*» (речь или мысль как факт) и считает, что это - дискурс, находящийся под контролем автора или повествователя. Благодаря этому контролю дискурс имеет объективный характер. Несколькими годами позже Лорк вводит термин «*erlebte Rede*» - «пережитая речь», который утверждается в немецком языке для обозначения СКД.²

Закljučая этот обзор, отметим, что на ранней стадии исследований в области СКД возникают и обсуждаются вопросы, актуальные и по сегодняшний день. К ним мы относим, в первую очередь, вопрос о субъекте СКД, который является одним из важных аспектов изучения СКД на современном этапе. Кроме того, можно констатировать, что для диагностики СКД современные нарратологи и лингвисты часто исходят из его сходств и различий с ПР и КР, т.е. основываются на том же принципе, что Тоблер и Балли.

2. 60-70-ые годы: нарратологический подход

Следующий важный этап становления концепта СКД вписывается в контекст нарратологических исследований, которые развиваются, в свою очередь, в русле французского структурализма. Определение СКД, предложенное Женеттом в его работе *Figures III* (1972), тесным образом связано с понятием нарративной дистанции («*distance narrative*»). С этой точки зрения, СКД как разновидность КР занимает промежуточную позицию между диегетическим (рассказ в чистом виде; наибольшая дистанция между персонажем и повествователем) и миметическим (дискурс в чистом виде; наименьшая дистанция между персонажем и повествователем) повествованием. Отличие СКД от КР заключается, с точки зрения Женетта, в отсутствии вводного глагола, что может создавать двойную двусмысленность (*double confusion*): во-первых, двусмысленность между произнесенным и произнесенным дискурсом; во-вторых, между дискурсом персонажа и дискурсом повествователя.

Дюкро и Тодоров (1972), авторы Энциклопедического словаря наук о языке (*Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*), также отмечают двусмысленный характер СКД: с одной стороны, маркеры времени и лица в СКД соответствуют дискурсу автора; с другой стороны, в семантической и синтаксической структуре СКД ощущается присутствие персонажа.

Очевидно, что теме субъекта СКД, присутствующей уже на ранних стадиях развития теории СКД, отводится в рамках нарратологических исследований центральное место. Итак, кто является субъектом СКД: повествователь или персонаж? Иными словами: Что представляет собой СКД? а) мысли, восприятия, произнесенную речь персонажа или б) комментарий повествователя? Представители теории «двуголосия» (*the dual voice*), в частности, Р. Паскаль (1977) исходят из того, что в СКД читатель слышит два голоса, которые ему сложно отличить друг от друга. Итак, в поле зрения включается читатель, его восприятие текста.

В контексте нарратологических исследований намечаются новые перспективы изучения СКД. Дискуссия перемещается в литературную область; речь идет о художественных текстах³. Тема субъекта СКД занимает на этом этапе исследования центральное место.

3. 80-ые годы до наших дней

Выход в свет монографии А. Банфилд «Непроизносимые предложения» (*Unspeakeable Sentences*) (1982) отмечает начало нового этапа в области исследований, посвященных СКД. Концепция Банфилд отличается радикальным образом от предшествующих концепций, в частности, от моделей французских структуралистов, которые уделяют важное внимание литературоведческим аспектам. Исследование Банфилд развивается в строго лингвистическом ключе; его теоретической базой является генеративная грамматика Н. Хомского. Остановимся на некоторых пунктах концепции Банфилд.

¹ Наряду с *DIL* (*discours indirect libre*) = свободно-косвенный дискурс.

² Термин «*erlebte Rede*» не раз подвергался критике как со стороны современников Лорка, так и со стороны современных лингвистов. Ср. [Jespersen, 1924, p. 415; цит. по: Poncharal, 2003, p. 21]: *Mais l'auteur ne «vit» pas ces idées ou ces paroles; il les représente simplement ...* // Но автор не «переживает» эти идеи или эти слова; он попросту представляет их. Поншараль [Poncharal, 2003, p. 16] отмечает, что термин «*erlebte Rede*» имеет расплывчатый, двусмысленный характер и не позволяет определить, кто именно (повествователь или протагонист) является субъектом «пережитой речи». Мы считаем, что в СКД, действительно, не всегда возможно однозначно отнести высказывание к повествователю или протагонисту. Но именно эта двусмысленность и является одной из существенных характеристик СКД.

³ Отметим, что уже Бахтин (1929) уделяет важное внимание стилистическим функциям СКД (в его терминологии: «несобственно прямой речи»).

Банфилд расширяет значение СКД. Термин, который она использует для обозначения СКД - *represented speech and thought* - включает в себя не только мысли, но и категорию субъективного восприятия. Это - новый момент в интерпретации СКД. Он представляется нам важным и конструктивным.

Существенное значение имеет для Банфилд оппозиция между планом повествования (*histoire*) и планом речи (*discours*) восходящая к Э. Бенвенисту (1959). План речи характеризуется присутствием говорящего и слушающего, а также экспрессивностью; в повествовании нет ни говорящего, ни слушающего, ни повествователя. Исходя из этих предпосылок, Банфилд критикует теорию «двуголосия»: поскольку предложения в СКД лишены повествователя («*narratorless sentences*» [Banfield, 1982, p. 211]), двуголосие в них невозможно. Ср.: «*The text speaks, not the author in it*» [ibid.] // Говорит текст, а не его автор¹.

В отличие от своих предшественников, Банфилд рассматривает СКД как особую, самостоятельную форму, отличающуюся радикальным образом как от ПР (т.к. в ней нет говорящего), так и от КР (т.к. СКД - это главное предложение). СКД допускает экспрессивность, но исключает возможность коммуникации между Я и Ты² и, более того, само присутствие мест. Ты.

Банфилд занимается также вопросом исследования нарративных времен («*the narrative tenses*») и выделяет два типа повествования: а) повествование *per se*, которому соответствует во французском простое прошедшее (*passé simple*) и б) СКД («*sentences which represent consciousness*» - предложения, в которых выражается сознание). Как повествование *per se*, так и СКД относятся к плану повествования, а не к плану речи.

Итак, между лингвистической концепцией Банфилд и концепциями французских нарратологов существуют принципиальные противоречия. Они обусловлены различными исходными позициями авторов и различным выбором приоритетов исследования. Несмотря на то, что в концепции Банфилд присутствуют, на наш взгляд, некоторые спорные моменты (так, правомерность анализа СКД исключительно в рамках предложения вызывает у нас сильные сомнения), очевидно, что Банфилд внесла существенный вклад в развитие теории СКД.

В самом деле, во многих работах конца XX в., посвященных СКД, присутствуют многочисленные ссылки на Банфилд. Ее концепция подчас подвергается критике. Так, Мак Хэйл (1983) и Тулан (1994) считают одним из основных недостатков концепции Банфилд тот факт, что она исходит из анализа предложения. Ср.: *One basic problem with Banfield's argumentation seems to lie in the fact that her methodology and grammar are resolutely sentence-based* [Toolan, 1994, p. 135]. Помимо того, Тулан приводит примеры, взятые из художественных текстов, которые никак не вписываются в концепцию Банфилд и тем самым опровергают ее³. В свою очередь, Женетт считает гипотезу Банфилд об исчезновении повествователя из повествования абсолютно необоснованной и подвергает ее резкой критике: «*Votre récit sans narrateur existe peut-être, mais depuis quarante sept ans que je lis des récits, je ne l'ai rencontré nulle part*» [Genette, 1983, p. 68; цит. по: Poncharal, 2003, p. 54] // Ваш рассказ без повествователя, может быть, и существует, но вот уже сорок семь лет, как я читаю рассказы, и я его еще нигде не встретил.

В последние десятилетия спектр вопросов, связанных с изучением СКД, существенно расширяется. Мы уже упомянули тот факт, что СКД в устной форме все чаще попадает в поле зрения исследователей [Fludernik, 1993, Maingueneau, 1991]. Другим важным направлением являются сопоставительные исследования в области СКД [Kurt, 1999; Poncharal, 2003]. Развиваются также новые методы анализа СКД. Так, Поншараль [Poncharal, 2003] строит сопоставительный анализ СКД на основе теории операции высказывания. Флудерник [Fludernik, 1993] пытается совместить лингвистический и литературоведческий подходы.

В отечественной лингвистике фундаментальные разработки в области СКД принадлежат Е. В. Падучевой (1996). Отметим некоторые важные моменты ее концепции. Падучева считает, что в СКД право на повествование передается персонажу. Итак, СКД связан с устранением повествователя из нарратива или, по крайней мере, с уменьшением его роли. Мы видим, что Падучева не разделяет теорию «двуголосия». К синтаксическим маркерам СКД Падучева относит неутвердительный речевой акт (например, вопрос); обращение; любой первичный эгоцентрик⁴, относящийся к персонажу, а не к повествователю. СКД является, с точки зрения Падучевой, средством выражения полифонии, эмпатии и иронии и позволяет охарактеризовать персонаж изнутри.

4. СКД: современное состояние

В этом разделе мы предложим нашу трактовку термина СКД. Эта трактовка во многом основывается на исследовании в области СКД⁵, но содержит также и некоторые самостоятельные элементы. Напомним, что в

¹ Ср. Бенвенист: «*Personne ne parle ici; les événements semblent se raconter eux-mêmes*» [цит. по: Poncharal, 2003, p. 47]. Здесь никто не говорит; похоже, что события рассказывают себя сами.

² Ср. [Banfield, 1982, p. 141] «*Represented speech and thought is, then, a sentence type which falls outside any framework structured by the communicative relation between I and you*».

³ Например: «*Lily asked where were her paints*»; «*Clarissa insisted that, concerning Peter Walsh, she was never wrong*» [Toolan, 1994, p. 131]. Руководствуясь синтаксическим критерием (присутствие вводного глагола), Тулан относит эту и подобные ей фразы к КР. Поншараль [Poncharal, 2003, p. 54] считает, что эти фразы занимают промежуточное место между КР и СКД. С точки зрения эффекта, производимого на читателя, они более близки к СКД.

⁴ Имеются в виду эгоцентрики, которые могут употребляться лишь в условиях полноценной речевой коммуникации, предполагающей присутствие говорящего и слушающего.

⁵ Особое значение для нас имеют концепции Женетта и Падучевой.

контексте нашего исследования СКД трактуется применительно к художественному тексту, т.е. как чисто литературное образование.

Термин СКД относится одновременно к лингвистике и нарратологии и представляет собой языковой феномен, который характеризуется определенными грамматическими и нарратологическими параметрами и для диагностики которого нельзя ограничиваться одним предложением и необходимо учитывать более широкий контекст¹.

С нарратологической точки зрения, СКД может характеризоваться как устранением повествователя из повествования, так и слиянием голосов повествователя и персонажа. Мы отводим важное место концептам двуголосия (*dual voice*) и двусмысленности (*ambiguïté*), которые проявляются как переплетение голосов повествователя и персонажа². Эта двусмысленность особо ощутима в автодиегетическом нарративе, который предполагает единство повествователя и персонажа. Мы считаем, что СКД является сферой выражения субъективности. Конкретно: СКД приспособлен для передачи мыслей, внутренних состояний, субъективно-восприятия, эмоциональных переживаний и произнесенной речи³ персонажа и (в автодиегетических текстах) повествователя-протагониста. Таким образом, СКД приспособлен для характеристики субъекта изнутри (и в этом его сходство с внутренним монологом и с потоком сознания).

Существуют также формальные признаки СКД. Они могут быть как универсальными, так и специфическими для каждого конкретного языка. Согласно классическому определению, СКД представляет собой повествование в прош. вр. от 3-го л. Мы полностью разделяем точку зрения лингвистов, считающих, что СКД возможен и от 1-го л. (например, в автодиегетическом повествовании)⁴. Для диагностики СКД следует учитывать видо-временную глагольную систему (так, во французском языке канонической формой для выражения СКД является имперфект, а употребление простого прошедшего (*passé simple*) невозможно), наклонения глагола (большая часть, СКД оформлен в изъявительном наклонении; тем не менее, в немецком языке в СКД возможен кондиционалис; претерит в СКД не употребляется); дейктическую систему языков (невозможность употребления мест. 2-го л.). В большинстве случаев, СКД - это самостоятельное, синтаксически независимое предложение. В СКД возможны вопросы, восклицания, паузы (выраженные графически многоточием). СКД характеризуется отсутствием кавычек.

Завершая наш обзор, приведем два примера СКД, взятых из художественных текстов. Источником первого примера является роман Джейн Остин Мэнсфилд парк (Mansfield Park); второй пример представляет собой фрагмент романа Гюстава Флобера Мадам Бовари (Madame Bovary).

(1) He was gone as he spoke; and Fanny remained to tranquillise herself as she could. She was one of his two dearest - that must support her. But the other! - the first! [...] Could she believe Miss Crawford to deserve him, it would be - Oh! How different would it be - how far more tolerable! (270 ff.) // Сказав эти слова, он вышел, а Фанни осталась, стараясь всеми силами совладать с собой. Она была одним из двух самых дорогих для него существ - это должно придать ей мужества. Но та другая! Первая! [...] Если бы она могла уверовать в то, что мисс Кроуфорд достойна его, все было бы - о! все было бы совсем иначе, несравнимо легче!

(2) ... Elle se rappela des soirs d'été tout pleins de soleil. Les poulains hennissaient quand on passait, et galopèrent, galopèrent... Il y avait sous sa fenêtre une ruche à miel, et quelquefois les abeilles, tournoyant dans la lumière, frappaient contre les carreaux comme des balles d'or rebondissantes. Quel bonheur dans ce temps-là! quelle liberté! quel espoir! quelle abondance d'illusions! Il n'en restait plus maintenant! [...] (244) // ... Ей вспомнились летние вечера, залитые солнечным светом. Проходишь, бывало, мимо молодых лошадок, а они ржут и резвятся, резвятся... Под ее окном был улей, и иногда пчелы, кружась в луче света, ударялись об оконное стекло, как золотые пружинистые мячики. Какое счастье в этом прошлом! Какая свобода! Сколько иллюзий! От них сейчас ничего не осталось!

В обоих пассажах СКД служит для непосредственной передачи эмоций персонажей. Как Фанни Прайс (1), так и Эмма Бовари (2) выражают в СКД свое субъективное восприятие и свои интимные переживания. Структурирующим элементом их дискурса являются не логические, а ассоциативно-эмоциональные связи.

Заключение

Анализ подтверждает комплексность СКД как языкового феномена / нетрадиционной повествовательной формы. По мере развития лингвистики и нарратологии этот концепт претерпел существенные изменения в его толковании. Тем не менее, и на сегодняшний день СКД является предметом многочисленных, порой принципиальных, разногласий. Именно поэтому дальнейшие исследования в этой области представляются нам одним из перспективных направлений современной лингвистики и нарратологии.

Проведенный анализ подтверждает также нашу исходную предпосылку, согласно которой для диагностики и изучения СКД в художественных текстах необходимо учитывать как грамматические (лексические и синтаксические), так и нарратологические критерии.

¹ На этот аспект указывают многие современные лингвисты и литературоведы, занимающиеся исследованием СКД, ср. [Poncharal, 2003; Toolan, 1994].

² В этом плане мы близки к Женетту (см. выше). Для Ходеля «неопределенность речевой инстанции» (“Irritation der Redeinstanz”) также представляет отличительный признак СКД [Hodel, 2001, p. 49].

³ За произнесенной речью стоит, за редкими исключениями, сознание персонажа, т.е. его мысли и/или восприятия.

⁴ Ср. [Pascal, 1977].

СКД является универсальным языковым феноменом, существующем во всех (или, по крайней мере, в очень многих) языках. Однако, наряду с некоторыми общими для всех языков характеристиками СКД, существуют формальные маркеры, специфические для того или иного языка. Мы уже отметили выход в свет в последние годы работ в сопоставительном ключе [Kurt, 1999; Poncharal, 2003]¹. Подчеркнем еще раз важность и перспективность сопоставительного подхода в области исследования СКД.

СКД является отличительной функциональной характеристикой многих художественных текстов конца XIX в. и, в особенности, XX в. и, соответственно, идиостиля их авторов. Мы привели в работе примеры СКД в текстах Дж. Остин и Г. Флобера. Оба этих автора относятся к общепризнанным «классикам» СКД. СКД является также одной из важнейших дистинктивных черт идиостиля таких авторов, как, например, Э. Золя, Дж. Джойс, В. Вульф, А. Шницлер. Тем не менее, вопрос изучения СКД в художественных текстах далеко не исчерпан. Он представляется нам одной из насущных задач нарратологии.

Список литературы

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Bakhtine M. Le marxisme et la philosophie du langage. Paris: Les Editions de Minuit, 1929.

Bally Ch. Le style indirect libre en français moderne I // Germanisch-Romanische Monatsschrift. Heidelberg, 1912. IV.

Bally Ch. Le style indirect libre en français moderne II // Ibidem.

Banfield A. Unspeakable Sentences. Narration and Representation in the Language of Fiction. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982.

Benveniste E. Les relations de temps dans le verbe français // Bulletin de la société linguistique. Paris: Gallimard, 1966.

Ducrot O., Todorov T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. Paris: Seuil, 1972.

Fludernik M. The Fiction of Language and the Languages of Fiction: the Linguistic Representation of Speech and Consciousness. London: Routledge, 1993.

Genette G. Figures III. Paris: Seuil, 1972.

Genette G. Nouveau discours du récit. Paris: Seuil, 1983.

Hodel R. Erlebte Rede in der russischen Literatur. Vom Sentimentalismus zum Sozialistischen Realismus. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001.

Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1924.

Kalecky Th. Zum „Style indirect libre“ („Verschleierte Rede“) // Germanisch-Romanische Monatsschrift. Heidelberg, 1913. V.

Kurt S. Erlebte Rede aus linguistischer Sicht: Der Ausdruck von Temporalität im Französischen und Russischen. Bern: Peter Lang, 1999.

Lerch E. Die stilistische Bedeutung des Imperfektums der Rede („style indirect libre“) // Germanisch-Romanische Monatsschrift. Heidelberg, 1914. VI.

Lorck E. Die «Erlebte Rede». Eine sprachliche Untersuchung. Heidelberg: C. Winter, 1921.

Mainueneau D. L'énonciation en linguistique française: embrayeurs, temps, discours rapporté. Paris: Hachette Supérieur, 1991.

McHale B. Unspeakable Sentences, Unnatural Acts. Linguistics and Poetics Revisited // Poetics Today. 1983. 4.1.

Pascal R. The Dual Voice: Free Indirect Speech and its Functioning in the Nineteenth-Century European Novel. Manchester: Manchester University Press, 1977.

Poncharal B. Linguistique contrastive et traduction. № spécial: La représentation de paroles au discours indirect libre en anglais et en français. Paris: Ophrys, 2003.

Tobler A. Vermischte Beiträge zur Grammatik des Französischen // Zeitschrift für romanische Philologie. Halle, 1887.

Toolan M. J. Narrative: a Critical Linguistic Introduction. London-New York: Routledge, 1994.

Цитированные художественные тексты

Austen J. Mansfield Park. London: Penguin Books, 1985.

Flaubert G. Madame Bovary. Paris: Gallimard, 2001.

¹ Этот подход, продуктивность которого не вызывает никаких сомнений, не является, однако, новым. Он присутствует уже на ранних этапах исследований в области СКД: так, уже в 1929 г. Бахтин предпринимает попытку сопоставительного анализа СКД в немецком, французском и русском языках.

NARRATIVE FORM AS ONE OF THE BASIC NARRATIVE GRAMMAR CATEGORIES: TO THE PROBLEM OF FREE-INDIRECT DISCOURSE

Zhurdi N. V.

*German Language Department
Moscow State University Named after M. V. Lomonosov
natascha.jourdy@laposte.net*

Abstract. Free-indirect discourse (FID) as a nonconventional narrative form represents one of the fundamental concepts of the linguistic analysis of text. Basic interpretations of FID which have arisen in narrative and linguistic researches are systematized and analyzed in the article. Our own interpretation of the term FID is also offered in the work. We consider FID as a narrative form which is characterized by both grammatical and narrative parameters and is the most adequate for the transference of character internal feelings. Thus, we consider the expression of subjectivity to be the basic function of FID. Theoretical theses are proved with the help of the analysis of FID examples in the belles-lettres of the XIX century.

Key words and phrases: free-indirect discourse (FID); linguistic analysis of text; narrative researches; character internal feelings; expression of subjectivity; belles-lettres of the XIX century.

МЕТОД КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВАЛЕНТНОСТНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КВАЛИТАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Землякова К. В.

*Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладощина
Ksu-zemlyakova@mail.ru*

Аннотация. В данной статье автором представлено применение методики компонентного анализа фразеологических единиц как характеристизаторов действия при оценке их сочетаемостных возможностей с глаголами, содержащими характеризующий фразеологизмами процессуальный признак.

Ключевые слова и фразы: методика компонентного анализа; фразеологические единицы; сочетаемостные возможности; процессуальный признак.

Фразеологическая семантика является достаточно сложным объектом исследования, что объясняется переосмысленным характером фразеологического значения. Вследствие определенной близости лексической и фразеологической семантики при анализе фразеологизмов стали применяться те же методические принципы, что и в лексике, модифицированные с учетом особенностей фразеологического материала. Так, научным прорывом можно считать применение компонентного анализа во фразеологии, который позволяет подробным образом проанализировать семантическую структуру фразеологизма. Не будет преувеличением утверждение, что особенно большое развитие теория и методика компонентного анализа получили в нашей стране (Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, Р. С. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, Э. М. Медникова, О. Н. Селиверстова, И. А. Стернин). Компонентный анализ - это метод лингвистического изучения смысла слов, опирающийся на парадигматические связи в системе. Смысл слова можно описывать с помощью синонимов или же развернутых толкований. Компонентный анализ предлагает еще один способ такого описания, но он стремится разложить значение на более частные семы, нежели те, которые выделяются словарными толкованиями. Он не противопоставляется словарному толкованию, поскольку само словарное толкование является примером компонентного анализа. Естественно поэтому при изучении семантико-смысловых связей слов опираться на дефиниции слов в толковых словарях.

Как известно, под структурой слова понимается состав и организация тех компонентов, из которых состоит слово. С одной стороны - это морфемы, а с другой - семантические компоненты. В самой простой форме в ходе данного анализа значение слова разлагается на составляющие компоненты. Комбинаторность лексического значения получила широкое отражение в лексикологии, в связи с чем метод семантического анализа слов, основанный на выделении компонентов их значений - компонентный анализ, признан «одним из наиболее общепризнанных и универсальных способов лингвистического исследования» [Ахманова, Мельчук, Глушко, 1969, с. 9]. В лексической семантике давно обозначено направление к поиску минимальных частей смысла. Компонентный анализ значений есть анализ иерархически упорядоченной структуры значения.

В лингвистических исследованиях, в которых разрабатывается теоретически и применяется на практике компонентный анализ значения, употребляются различные термины для обозначения компонента значения,